

Кубанский писатель

М. Горький

№ 2

февраль
2011 года

Ежемесячная литературно-просветительская газета Краснодарского краевого отделения Союза писателей России

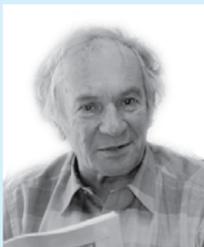
ПАНОРАМА

Поздравляет

**Светлану Афанасьевну
Медведеву**

С присуждением звания «Заслуженный работник культуры Кубани» за многолетнюю просветительскую деятельность.

**Виктора Ивановича
Лихоносова**

С присуждением «Большой литературной премии» за выдающийся вклад в развитие русской литературы. Церемония вручения проходила в конференц-зале Союза писателей России, Москва.

**Николая Александровича
Зиновьева**

С присуждением Всероссийской православной литературной премии имени святого благоверного великого князя Александра Невского в номинации «Поэзия». Премия вручена наместником Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры, викарием Санкт-Петербургской епархии, председателем литературной комиссии Назарием, Санкт-Петербург.

«Зачарованный край мой кубанский, я тебе свою юность дарю!» – под таким названием в Краснодаре прошли третьи Вараввинские чтения, организованные департаментом культуры Краснодарского края и краевой юношеской библиотекой имени И. Ф. Вараввы. О творчестве поэта рассказали ребятам М. Б. Солодкая, доцент кафедры литературы КГУК, кандидат исторических наук, В. Ф. Цапко, писатель, А. В. Кудрина, библиотекарь отдела абонемента краевой юношеской библиотеки имени И. Ф. Вараввы, о жизненных ориентирах, истинных и фальшивых, прозвучало в выступлении С. Н. Макаровой, председателя краевой писательской организации.

А стихи поэта прочли финалисты краевого конкурса читателей библиотек, который проходил по трём номинациям. В итоге жюри определило победителей. В номинации «Едут, едут закубанцы, наши казаки!» диплом и памятный подарок получила Суслина Наталья, в номинации «Нам на службе пошёл восемнадцатый год» – Голева Ольга, в номинации «Я свет любви не распылю» – Туманова Анна. Поощрительный приз, сборник песен на стихи поэта, присуждён Агаповой Анастасии, исполнившей и свои собственные стихи.

В краевой детской библиотеке им. братьев Игнатовых прошла презентация седьмого тома кубанской библиотеки «Кубанские писатели – детям», подготовленного к изданию департаментом по делам СМИ, печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций Краснодарского края, по решению экспертного совета при главе администрации Краснодарского края по приоритетным направлениям книгоиздания в краснодарском издательстве «Периодика Кубани». На презентацию были приглашены авторы сборника, издатели и краснодарские школьники, недавно прочитавшие произведения кубанских литераторов. Детский вокальный коллектив «Аюшки» исполнил песни композитора В. Захарченко, созвучные основной теме книги – любви к своему краю, своей малой родине.

Составитель сборника, знаток детской темы, чьи произведения вошли в хрестоматию детской литературы, лауреат премии администрации края поэт В. Д. Нестеренко отметил, что в книгу вошли более 40 неповторимых творческих судеб. Многие из них уже нет с нами. Но свой духовный мир, своё творчество они оставили ребятам.

Директор библиотеки Т. И. Хачатурова поблагодарила писателей за создание летописи родного края: исторических событий, людских судеб, художественное осмысление современной жизни.

СОБИНФО

ГОЛОСА РОССИИ

Итак, о русском

Почему русскими пугают в России

События на Ленинградском проспекте, и особенно на Манежной площади и у Киевского вокзала, вызвали массу откликов и большое разнообразие оценок. Но вот что удивительно: большинство оценок уходило от главных ответов. Находили причины событий и в кознях националистов всех мастей и

национальностей, в фанатизме болельщиков, в невыдержанности милиции. Но как-то умело и усиленно и СМИ, и политологи, и власти обходили, на мой взгляд, два важных вопроса. Первый, это все усиливающееся социальное неравенство, достигающее почти катастрофической пропасти, за которой следует взрыв. (Это особый разговор). И какое-то постоянное утаивание, уход

от обсуждения, боязливое опасение и даже страх говорить о русском народе, о русском. Этот страх многие годы воспылывался агитпропом коммунистического периода, либеральными властью и СМИ. Когда начинают говорить о русском, сразу начинают возникать обвинения в шовинизме, ксенофобии, антисемитизме.

На мой взгляд, вопрос о проблемах русского населения у нас в стране и за её рубежами, о русской культуре, о русском языке, о национальном самоощущении, о месте русских в государстве (где мы впервые за два века имеем абсолютное большинство 80%), о пренебрежении к русской истории, её фальсификации, очернении, об игнорировании созидательной позиции русской провинции, об отчужденности от русского народа телевидения и СМИ стал приобретать обостренный, жесткий характер.

Хотелось еще раз обратиться к вопросу, который у нас стыдливо, с испугом замалчивают, превратили в некое пугало. В 20-30-е годы под русский шовинизм подвели сотни тысяч жертв казаков, богатых крестьян, священников, не говоря уж о купцах, интеллигентах, богатых сословиях общества. Причём застрельщиками этого были победоносные Троцкий, Свердлов, каратели Тухачевский, Уборевич, Якир и иже с ними, чьи потомки потом громко кричали, что в 30-е годы они попали под волну сталинских репрессий.

(Продолжение на стр. 2)

«Мастер и Север»

К 95-летию заслуженного художника РСФСР Г. А. Булгакова»

Заслуженному художнику РСФСР, ветерану Великой Отечественной войны Григорию Александровичу Булгакову исполнилось 95 лет. С юбилеем мастера поздравили художники и писатели в галере «Сантал» на открытии выставки «Мастер и север».

Творческий путь Г. А. Булгакова насчитывает более шестидесяти лет. Широкий и разнообразный диапазон его творчества – живопись, графика, оформление книг и интерьеров, редкие опыты в скульптуре.

Профессионализм художника, его гражданские позиции оказывали влияние на становление краснодарской школы живописи.

Классикой изобразительного искусства Кубани и России стали его тематические полотна «Колумб российский – Шелихов на Дальнем Востоке» (1956-1957 гг.), «Смена» (1949 г.), «Годы войны» (1990 г.); портреты, запечатлевшие полные собственного достоинства архетипические народные образы – «Станичник» (1960 г.), «Нганасан» 1968 г. и др. Невозможно перечислить все темы, к которым обращался мастер. Это большой культурный и исторический пласт, связанный

с жизнью страны и Краснодарского края.

На юбилейной выставке художника в галерее «Сантал» были представлены работы самого известного и раннего «Северного цикла» (1956-1993 гг.) Работы этого цикла давно разошлись по частным коллекциям, и сегодня представляют большую редкость.

Растянутая хронологически жизнь Г. А. Булгакова полнится не только судьбоносными событиями, но и географическими впечатлениями, знаниями, воспоминаниями, трансформирующимися в творчестве красочностью и многомерностью мира человека и природы.

А в преддверье празднования Дня защитника Отечества в художественной галерее «Сантал» открыта выставка «Поколение добровольцев». На выставке представлено 50 живописных и графических работ старейшего художника Республики Адыгея, участника Великой Отечественной войны, члена Союза художников РСФСР с 1971 года П. Д. Филиппенко, отпраздновавшего недавно своё 85-летие. Его жизнь и творчество тесно связаны с Краснодарским краем, с 1948 по 1953 года П. Д. Филиппенко обучался

в Краснодарском художественном училище. После окончания училища в 1953 году был направлен по распределению на работу в Адыгейские производственные мастерские г. Майкопа. С 1953-го П. Д. Филиппенко постоянный участник городских, краевых, республиканских, региональных выставок. Известность художнику принесли не только живописные произведения, но и работа в области книжной графики. Им было выполнено оформление книг для детей таких известных адыгских авторов, как Д. Костанов, А. Гадагатль, М. Паранук.

Его произведения находятся в фондах Национального музея Республики Адыгея и Картинной галереи Министерства культуры Республики Адыгея, в частных коллекциях России и других странах. По сей день П. Д. Филиппенко живет и работает в Майкопе, продолжает и развивает традиции отечественного реалистического искусства, с любовью воспевая землю, на которой живёт.

**Д. Т. Садыкова,
старший научный сотрудник
Краснодарского краевого
художественного музея
им. Ф. А. Коваленко**

Итак, о русском

(Окончание. Начало на стр. 1)

То, что такие репрессии были, никто не отрицает, но то, что жертвами были в большей части русские люди, об этом почти не говорят.

Вплоть до Великой Отечественной войны, когда понадобился стойкий характер мужества русского народа, на нём был выбит ярлык шовиниста-должника и угнетателя других народов. А на самом деле всё было наоборот. Русские люди составляли главную тягловую силу страны. Лишь РСФСР, Украина и Белоруссия были не дотационны, и их доходы шли на развитие союзных и автономных республик, на индустриализацию, на армию, на аппарат. Если употребить марксистскую терминологию, то большую часть государственной эксплуатации, или тягловой нагрузки, нес русский народ.

Когда мы создавали Всемирный Русский Народный Собор, то взяли на себя на Соборе ряд острых вопросов русских людей, увели многих недовольных, обиженных, растерянных людей на созидательное поле, на поле Веры, Русской Православной Церкви, Служения Отечеству, высшим духовным и нравственным ценностям на поле соборности, то есть соединения народов, людей всех национальностей вокруг русского народа.

Первые решения Собора были встречены в либеральной и прозападной среде улюлюканьем, возгласами: национализм, мракобесие, шовинизм. Потом Собор укрепился, и его тезисы о национальном самосознании, национальной культуре, национальной школе, о защите русского языка стали программными тезисами всех ведущих партий. И все-таки как внутри страны, так и за рубежом, есть силы, которые постоянно говорят о шовинизме, о реакционном характере русского народа и не хотят примириться с созидательным характером, местом и духовной ролью русского народа. Слегка успокоившись, перегруппировавшись после образования Собора, они придумывают новые обвинения в его адрес, в адрес русских людей, периодически вбрасывают в общество некие антирусские бренды типа: «русский фашизм» (и два-три года елозили его на телевидении и в прессе), или продолжают долдонить о неполноценности, незрелости русской цивилизации, её отсталости, лени и пьянстве русских людей, извечном воровстве. Просто поражает мощная негативная струя в изображении отечественной истории. В подобных заявлениях и работах утверждается, что история России – сплошной дефект, неполноценность, история ошибок, правовых преступлений.

С убежденностью вершителей судьбы нашего Отечества

они утверждают: «Россия может сохраниться только став частью западной цивилизации, только сменив цивилизационный код» («Западники и националисты: возможен ли диалог». М. 2003, с. 16). «За сто лет у нас произошло цивилизационное отставание, из которого мы не вырвемся». («МК», 15. 10.)

Ко всему прибавился фактор иммиграции, рост количества гастарбайтеров, по-настоящему не отрегулированный никакими правилами поведения приезжих, нежеланием их интегрироваться в российское общество, овладеть русской культурой, языком и т. д.

И опять троянским конём, как и в случае с пугалом «прав человека», стал очередной либеральный диктаторский по существу тезис – толерантность, которую стали требовать только от русских людей. Итогом столь однозначного подхода стало нарастание недовольства коренного, в основном русского, населения.

Мы же видим, что надо вывести русский вопрос из тени, тупика, из замалчивания и вывести не для того, чтобы ринуться на баррикады, а выйти на стройку, на стройку духа, восстановления, самоуважения, созидания, гордости своей историей.

Накапливается не только недовольство и непонимание, положение русского народа. Оно проявилось, то схваткой в Кондопоге, то межнациональной бойней в Калязине, волнениями в Тверской области в Хотьково, то массовыми драками в Москве, Ростове, Майкопе, все нарастающим количеством «русских маршей» (в этом году они прошли в 45 городах), то организацией всяких экстремистских деструктивных групп.

Всё больше захватываются протестными настроениями, недовольством и благополучные слои населения: мелкий бизнес, низовая администрация и даже учителя и научная интеллигенция.

Достаточно вспомнить недавнее нашумевшее дело профессоров МГУ А. Вдовина и А. Барсенкова, когда их учебник по истории России был подвергнут идеологической порке, похлеще всяких агитпроповских разносов, за «излишние прорусские акценты». Авторы были вызваны в Общественную палату для проработки. Стенания о преследовании инакомыслящих в советское время получило стопроцентный разворот от этих «инакомыслящих» в прошлом. Все это вызвало взрыв возмущения. Появилось письмо за подписью ста выдающихся писателей, известных ученых, деятелей культуры о преследовании научных взглядов, нападка на академическую науку, на свободу мнения. Вслед за этим

прошла масштабная конференция по поводу развернутых фальсификаций, атак на русскую историю и профессию, отправившая «Декларацию» во все ветви властей, в Конституционный суд, в прокуратуру. Резкое осуждение вызвала эта акция в передаче на телевидении в программе В. Затулина, где крайне отрицательно о ней высказался декан факультета ТВ- журналистики МГУ и ученый В. Третьяков.

На виду у всех созрело протестное, критическое отношение к такому игнорированию, даже унижению русских, требованию только от них толерантности и организации всякого рода кампаний вокруг русского национализма.

Санкт-петербургский писатель Каралис (кстати, один из руководителей оппонентного нам «демократического» союза писателей) с возмущением требует: «отдать должное русским» (сам он открыто заявляет, что в нём течёт литовская, греческая, польская, молдавская и другие крови). Он заявляет, что все знают, что «русский народ слили в российский», фактически лишили его национальности. Он утверждает, что народ лишается уверенности: нынешняя Россия занимает 73 место в мире по ощущению счастья своими жителями: «Мы на одном уровне с ЮАР и Ливаном, где постоянно ведутся боевые действия. При этом страдает у нас каждый пятый! Ну что это за общество, где большинство населения несчастно?» – вопрошает он. Д. Каралис пишет, «что последний раз к русскому народу власть обратилась с похвалами в 1945(!) году. Действительно, какие беды, несчастья испытал он до войны и во время войны, какие жертвы принёс народ. Но это была его страна, его отчизна, и он был благодарен за доброе слово и снова впрягся в возрождение Отечества».

Кто и когда обращался к русскому народу с благодарностью, выражением восхищения его терпением, работой, поддержкой державы? А с просьбой о прощении за принесённые жертвы, за лишения, за неоправданные надежды, которые породили у него властители всех мастей?

Его все продолжают упрекать за недостаточную динамичность в преобразованиях, медлительность в восприятии реформ, в следовании «высоким цивилизационным и технологическим образцам», неспособности модернизироваться. Опять выплывают работники розни, оценивая издания, исследующие «русский вопрос». Так в прошлом году прокурор и судья г. Иваново обвинили в ксенофобии писателя Севостьянова и потребовали запретить его книгу за то, что она «чрезмерно проникнута русским духом» (!) (буквальные слова приговора). Вот до чего можно запугать и органы юстиции. Как в этом году во Владимирской области обрушились на бывшего узника ГУЛАГа, писателя В. Н. Осипова за его гневные публикации в защиту русского народа, обещая снова посадить? Где вы, правозащитники?

Валерий ГАНИЧЕВ,
председатель правления Союза писателей России,
доктор исторических наук, профессор

Иван Тertyчный

РУССКИЙ

Мне вовсе не нужно полмира.
Мне хватит округи привычной:
От Пскова преславного до
Совсем не случайной Находки.

Легко мне, просторно и вольно
Средь трёх океанов великих,
Один из которых – Небесный.

Три дела я сделал сегодня шутя:
Росою умыл дорогое дитя;
Приладил крылечко узорное к дому;
Дал вволю водицы дубку молодому.

Осталось мне сделать четвертое дело:
Придумать слова, чтобы песня взлетела!

***

Ещё довольно в воздухе тепла.
Ещё не всё додумано до точки.
Ещё трепещут на ветру листочки.
Ещё по-детски родина мила.

Ещё не плещут сутками дожди.
Ещё любовь в душе не поугасла.
Ещё земля зеленая прекрасна.
Ещё большая радость впереди.

Ещё волнует до слезы строка
Прочитанного в сотый раз поэта.
Ещё есть счастье на Земле. Но это...
Давай об этом помолчим пока.

МАЛОСТЬ

...земля замутилась.
С. М. Соловьев

З е м л я замутилась – пропащее дело!
Того ли крестьянство сердечно хотело?
Того ли купечество крепко желало?
Но руки разжались, держава упала.
А может быть, смуту зачало боярство?
И мнилось боярству иное царство?..
Ослабла, однако, великая скрепа,
Такая земля погибает нелепо!
Попала родимая в Божью немилость.
И вот закружилась, и вот замутилась.
На многие дни и на многие лета —
Без малой отрады, без Божьего света.
Но двое мужей на Руси отыскалось —
Такая-то, право, пустынная малость!
Купчишко, князишко... такая-то малость!
Но чудо случилось: з е м л я устоялась.

ДВЕ ДОЩЕЧКИ (Рассказ дачника)

Ни сучка, ни задоринки...
До чего ж хороши!
Я на станции «Горенки»
Их купил у левши;
Говорят, офицериком
Преотчаянным был,
Но в сражении за Терекон
Поостыл его пыл;
Был рукастым мужчиною,
А теперь вот – левша;
И тоскою-кручиною
Замутилась душа;
Обзавелся столяркою
И охотой к вину;
И блондинкой неяркою
Заменял он жену...
Ах, дощечки кленовые!
Ах, неловкий столляр!
Ах, заботы дешёвые —
Залежалый товар!

Да забор раскуроченный...
Да бабенки нытьё...
Да билетик просроченный
На честное житьё.

***

Н. Ю. Воробьевой

Дымчатый сумрак вокзала,
Смутный и медленный шум...
Этого вовсе не мало
Для необыденных дум.

Кактусов колкие чащи,
Взгляды притихших детей...
Это вполне подходяще
Для усмиренных страстей.

Музыки тихой участие
На незнакомой волне...
Для невозможного счастья
Этого хватит вполне.

***

Из детства в юность, молодость и зрелость
Бежать стремглав, лететь орлом хотелось.

От глаз родных, от рук родных скорее
Туда, туда, где светит, но не греет.

Пусть наугад, но поскорей и дальше
От скромной правды к разноликой фальши.

Скорее от синиц, стрекоз, осои —
В сиротский мир чудачеств одиноких.

Скорее, чтоб не вышло опоздания —
Исчезнуть в чёрной яме мироздания!

ВОЗРАСТ

Когда-то, в начальной судьбе,
Он думал, мечтал о себе;
А позже, в исканьях фатальных,
Он думал и думал о дальних:
Об их назначенье и роли,

Об их переменной доле.
А тут вот, охваченный тишью,
Он вдруг оглянулся на ближних —
И сердце его защемило.
О, сколько их, помнится, было!
И где они, где они ныне?
А там они – в небе и глине.

***

Белеют, лучатся ромашки,
Белеют соцветия кашки,
Белеют и клевер, и донник...
Ни близких, ни посторонних.

***

Полковнику, увы, никто не пишет.
Неторопливо времечко идёт.
Полковник утром уважает «твиши»,
А вечером совсем наоборот.

Не тяготит соседская докука,
И не гордит телевизор чужь...
Сентябрьская изысканная скука,
И мягкий дух давно созревших груш,

И старая зелёная скамейка
У этих дачных дырчатых ворот,
Где сживала некогда семейка
Артистов и любимый ею кот;

Мигало огоньками новогодье
На ёлке, закрывающей фасад...
Неторопливо времечко проходит,
Как проходило двести лет назад.

А люди, люди... Нет во встречах лицах
Знакомых черт, родимых черт, увы.
Растаяли не в Лондонах и Ниццах,
Но – во владениях корней, травы.

А он простором поля утром дышит,
С лесной опушки смотрит долго вдаль...
Полковнику, увы, никто не пишет —
О жизни, смерти... О любви. А жаль!..

К 150-летию со дня смерти Тараса Шевченко

У меня всегда было особенное чувство к гениальному украинскому поэту, сколько себя помню. Очень странное, близкое к родственному, чувство. И зародилось такое чувство потому, что корни моих родителей идут не откуда-нибудь, а с Украины. С нашей родной Украины, как я всегда понимал... Отцовские – из Миргорода, что в Полтавской губернии (теперь – области). Мамины – из Черкасской, из села Боровицы Чигиринского уезда (района). В Отрадненское Предгорье её привезли малюткой. От мамы я и услышал впервые имя Тарас Шевченко. От мамы усвоил и украинский язык, чтобы читать Кобзаря в подлиннике. А она – от своей мамы, нашей бабушки Марии. Хотя полной сиротой осталась с семи лет. Но об этом я писал в произведениях.

С особенным своим – на каком-то генном уровне! – видением Кобзаря, где бы я ни был на протяжении своей жизни (в Москве ли, в Киеве или Харькове, в котором учился в танковом училище, или в родном Краснодаре), я первым делом непременно приобретал его произведения. И на украинском языке, и на русском. Как для себя, так и чтобы кому-нибудь подарить. А дарить книги Тараса Шевченко для меня было великой радостью!..

Самым любимым моим шевченковским стихотворением, которое мы учили в Гирее, кажется, в четвёртом классе, был «Заповіт» на украинском языке: «Як умру, то поховайтэ Мэнэ на могилі, Сэрэд стэпу широкого, На Вкраїні мыйлій, Шоб ланы широкополи, И Днипро, и кручи Було видно, було чути, Як рэвэ рэвучий. Поховайтэ та ставайтэ, Кайданы порвитэ И вражою злою кровью Волю окропите. И мэнэ в сэмы вэлыкой, В сэмы вольной, новий, Нэ забудьтэ помянуты Незлым тыхым словом». Это шевченковское «Завещание», созданное в 1845 году, в расцвет творчества Кобзаря, в Переяславе, в котором проводилась единящая народы Переяславская рада, отражает всю заветную мечту поэта об объединении славян, мечту о новом социальном обществе.

Когда я учился в Харькове, в областной библиотеке неожиданно для себя обнаружил, что Тарас Григорьевич ряд стихотворений написал о Чигиринском – маминном! – районе: «Чигирине, Чигирине», «Чигиринский праздник», «Холодный яр», «Разрытая могила», «Стоит в селе Субботове». И даже переиздал в 1844 году, когда написал поэму «Гайдамаки», о войне украинцев с польскими панами, а в ней – несколько глав о Чигирине, даже переиздал в «маминном» городе вышедший в Петербурге знаменитый свой «Кобзарь» вместе с «Гайдамаками». Тарас так и назвал свою новую книгу – «Чигиринский кобзарь». Не у каждого человека на малой родине издаются такие книги!..

В той же Харьковской библиотеке, в примечаниях к отдельному «Кобзарю», я вычитал, что своё стихотворение «Сестре», написанное 20 июля 1859 года в Черкассах – опять в маминном городе, Тарас Григорьевич посвятил родной сестре – Ярине Григорьевне Бойко. Я был потрясён: «В Шевченковском роду – наша фамилия?!» Разумеется, я понял: родная сестра Кобзаря вышла замуж за моего украинского однофамильца! А то и за нашего дальнего – но такого близкого! – родственника! Ведь на нашей родной Украине, рассказывала мне бабушка по отцу, осталось шесть или семь моих прапрадедов – Бойков! А в «Кобзаре», вышедшем в 1961 году в Киеве, об этом прямо сказано на украинском языке: «Ярина Григорьевна Шевченко, рідна сестра поета, молодша его на два роки, вышла за чоловіка – Бойко». С этого открытия я стал и вовсе видеть Тараса Шевченко как своего родственника! Как свояка!

А уже позже вычитал, что украинский поэт в «мамин» Чигиринский район приехал по важному причине. Во-первых, из-за гетмана Богдана Хмельницкого (1595 – 1657). Известно, что Богдан Хмельницкий возглавлял многолетнюю борьбу украинского народа с польской шляхтой и добился присоединения Украины к России в 1654 году, на Переяславской раде. А в Чигиринском районе Хмельницкому принадлежало село Субботово, расположенное неподалеку от маминной родины – Боровиц. В этом родовом селе Богдан и похоронен. А Чигирин был резиденцией его преемников, в том числе и его сына – гетмана Юрия Хмельницкого. Но ненавидевший свободолюбивых украинцев

польский военачальник Стефан Чарнецкий в 1664 году сжёг останки Богдана в родном его Субботове. В 1845 году Тарас Шевченко официально, как поэт и художник, участвовал в археологических раскопках в историческом селе в составе специальной комиссии. И написал стихи о «подвигах» шляхетского военачальника. «...Ломайте стены! Разломали – и перепугались! Все скелеты там лежали, словно ухмылялись, Что опять им видно солнце. Вот «богатство» это: Черепок, корыто, цемент, В кандалах скелеты!» (Вероятно, земляки Богдана сопротивлялись разорению могил). Была и вторая причина у Шевченко: он посещал Чигиринский район ещё потому, что тот был

жизни на себе и на своей огромной семье. Но мальчик очень хотел учиться. Родители отдали его в «дьяческую» школу в восемь лет. Однако учёбу прервала смерть матери. Одиннадцати лет отец отдал его к другому учителю-дьячку с исполнением обязанностей «попихача», мальчика на побегушках. Но в этой «школе» на каждом шагу учеников подвергали телесным наказаниям. И Тарас сбежал от жестокостей через год. А тут умирает отец. Положение крепостного подростка стало невыносимым. Его спасает только проявившаяся в нём страсть к рисованию и к поэзии. В своём селе и соседних он записывает **народные песни, которые скоро станут фундаментом его поэтического**

творчества. В пятнадцатилетнем возрасте Тарас попадает в качестве «комнатного козачка» к своему владельцу помещику Энгельгардту. Внутренние комнаты дома помещика были расписаны профессиональными художниками. Подросток «втихомолку срисовывал картины, украшавшие панские покои». Осенью того же года переехал с Украины в Вильно, на новое место службы ротмистра Энгельгардта. В Вильно Шевченко овладевает польским языком, приобщается к польской культуре, «украдкой» учится живописи у художников-мастеров.

В январе 1831 года Энгельгардт получает новое назначение в Петербург. Вслед за ним, с обозом крепостных, в столицу России едет и Тарас. Здесь помещик заключил контракт с «мастеру живописных дел» Ширяеву, «вняв неотступной просьбе дворового», вспоминал поэт в своей автобиографической повести «Художник».

Жилось одарённому Тарасу в столице непросто. Вместе с товарищами по учёбе мечтающий стать профессиональным художником юноша в течение шести лет обитал на чердаке дома мастера. Не теряя связи с земляками-украинцами, крепостной приобщается к русской культуре, посещает рисовальные классы Петербургского общества поощрения художников, знакомится с крупными русскими живописцами К. П. Брюлловым и А. Г. Венециановым, со знаменитыми писателями и поэтами В. А. Жуковским, Е. П. Гребёнкой, В. И. Далем, П. П. Ершовым, И. И. Панаевым. При их содействии в апреле 1838 года двадцатичетырёхлетний Тарас получил «отпускную» – **свободу от крепостнической зависимости и поступил в Петербургскую академию художеств**. Через два года после получения свободы, с благословения Гребёнки, на средства украинского помещика Мартоса, Шевченко издал первый сборник стихов под простым, но многозначительным названием «Кобзарь», которым повёл открытую борьбу с самодержавием.

По окончании академии, в 1845 году, поэт-художник приезжает в родную Украину, замечает проявления народного гнева во многих городах и сёлах. Сам выступает с речами о неминуемой гибели самодержавия и крепостничества. Об одном из таких выступлений поэт оставил воспоминания его друг публицист: «Он положил на стол одно зерно; сказал: «Это царь». Вокруг этого зерна в отдалении положил ещё зёрен: «А это паны». Наконец, кучами, тоже на расстоянии, насыпал вокруг много зёрен: «А это мы с вами, народ. Примечайте, где царь, где паны. Примечайте, – И вдруг смешал все кучи. – А теперь ищите царя и панов!..»

В 1846 и 1847 годах поэт принимал активное участие в деятельности Кирилло-Медоидиевского братства, в программах которого отстаивалась необходимость отмены крепостного права и ставилась задача объединения всех славянских народов в единую федерацию. В марте 1847 года это братство было раскрыто: всех его участников заключили в казематы. Арестованного Шевченко доставили в Петербург. Доказать документально о принадлежности к братству

центром войны правобережной Украины (города – Черкассы, Жаботин, Корсунь, Богуслав, Умань, другие) с польскими панами в XVIII веке. Война, которая называлась «Колиивщиной»: украинцы-гайдамаки сражались с панами колями. Колиивщина является стержнем так называемых гайдамацких восстаний против шляхетского гнёта. А главный поход гайдамаков против угнетателей-панов начался в 1768 году из Мотронинского монастыря, расположенного близ Чигирина. Потому в Чигиринском уезде поэт собирал материал (по воспоминаниям стариков, по народным сказам и песням) для своих исторических произведений – «Гайдамаки», «Тарасова ночь», «Разрытая могила», «Чигирине, Чигирине...», «Подземелье», «Стоит в селе Субботове», «Холодный яр», «Швандя». И как раз при написании их у поэта вызрела важная идея – объединения славян в одно федеральное государство: малороссов-украинцев, русских, белорусов.

То, о чём мечтаем сегодня мы!..

Не могу не сказать о Тарасе Шевченко и как о выдающемся художнике. Изумительны его портреты артиста М. С. Щепкина, артистки Л. И. Горленко, художника К. П. Брюллова, писателя Н. В. Гоголя, знакомой киргизки Кати, автопортреты Т. Г. Шевченко разных лет. А его картины «Катерина», «Цыганка гадает девушке», «Слепая», «Иван Подкова», «Шевченко в ссылке», «В тюрьме», «Наказание колодкой» в копиях и подлинниках украшают многие музеи мира. И мы видим и понимаем, почему гениальный Кобзарь был запрещённым поэтом и художником в царской России.

Но **народный поэт Украины современен сегодня, как никто другой!**

Тарас Григорьевич Шевченко (09.03.1814 – 26.02.1861) родился в многодетной семье крепостного крестьянина в селе Кирилловка Киевской губернии. С младенческих лет будущий поэт и художник впитывал в себя картины подневольного труда, ужасающей бедности крепостных и паразитического существования обладателей «крещёной собственности». Он познал всю тяжесть

следователи не могли. Но в его архивах обнаружили рукописи антикрепостной поэмы «Сон» и разоблачительного стихотворения «Кавказ». Автор был сослан «на неопределённый срок» в Оренбургские степи «за сочинение возмутительных стихотворений», «с запрещением писать и рисовать», гласил приговор. Созданные в ссылке, в Оренбурге, Орской крепости и Новопетровском укреплении, стихи он записывал в маленькой, «захалавной», тетрадке, которую прятал за голенище в солдатский сапог. Отдельные строки удавалось записывать в Библии, которую стражники разрешили читать. Но мир не без добрых людей. Командант Новопетровской крепости Маевский не только позволял заключённому поэту творить; но и включил его в экспедицию в горы Каратау, где поэт встречался с осуждёнными петрашевцами Плещеевым, Ханькиным, Макшеевым. Другой начальник той же крепости, Усков, всячески способствовал смягчению тяжёлых условий ссылки. Разрешал заключённому творить и писать картины. Дозволял встречи с приезжавшими к ссылке писателям – Писемским, Данилевским, Головачёвым, Бэром. Благодаря думающим тюремным начальникам десять лет ссылки поэта и художника не прошли даром. Он вернулся в Петербург со значительными поэтическими циклами и картинами: «Форт Кара-Бутак», «Лунная ночь среди гор», «Вид на Каратау с долины Аназир», «На берегу Аральского моря», «Казнь шпицрутенами», «В тюрьме», «Шевченко среди товарищей в ссылке».

Особое внимание ссылке Тарасу Шевченко оказывал атаман Черноморского казачьего войска украинский писатель Яков Герасимович Кухаренко (1799-1862), которого литераторы Кубани не без основания считают первым кубанским писателем. Ибо Кухаренко родился, как указывает краевед Василий Орёл, в Ейске, где проходил службу его отец. Либо в безымянном семейном хуторе на речке Большой Бейсуг, в юрте Переяславского куреня. Во всяком случае, здесь прошло раннее детство будущего генерала. А учился Яков Кухаренко в Екатеринодаре. 16 января 1811 года он поступил в подготовительный класс гимназии; а по окончании гимназии перевёлся в класс фортификации и военных наук, действовавший при екатеринодарской гимназии. И создавал Яков Кухаренко свои произведения не на украинские, а на кубанские темы.

Тарас Григорьевич познакомился с пишущим генералом в 1842 году в Петербурге. У них, как у писателей, сложилась близкая творческая дружба, которая продолжалась и заочно, когда украинский поэт находился в царской немилости. Многие писатели и поэты, как известно, отвернулись от опального Тараса; а видный генерал в оренбургские крепости не только писал письма, но и присылал талантливому арестанту денежные переводы, посылки и бандероли с книгами, писчей бумагой, красками. В ответных письмах ссыльный поэт и художник, в звании рядового солдата, трогательно называл казачьего генерала так: «Батько кошевой атаман и друг мой единственный».

В шевченковском четырёхтомнике, изданном в Москве в 1977 году, опубликованы ШЕСТЬ писем поэта генералу. Но шевченковские писем генералу Кухаренко, как указывает краевед Василий Орёл в книге «Атаман Кухаренко и его друзья», с учётом небольших записок Кобзаря, двенадцать. Отдельные места в них нельзя читать без понимающей улыбки и сочувственных слёз. Скажем, как отвечал поэт-художник на просьбу Якова Герасимовича написать портрет Антона Головатого. «Я думаю нарисовать его, как он печально стоит у Зимнего дворца: позади Нева, а за Невою крепость, где мучился Павло Полуботок». Шевченко прочитал очерк о Головатом в журнале «Отечественные записки». Высоко оценив видного казака, создал стихотворение:

«Наш завязатый Головатый Не умрёт, не сгине. Вот где, люди, наша слава, Слава Украины».

Именно Антона Головатого Кобзарь считал носителем былой славы Запорожья и Украины. Однако портрета удалого казака написать ему не удалось. Во время его ареста снимки исчезли.

(Продолжение. на стр. 7)

Иван БОЙКО февраль 2011 года

Поэзия

Вспоминаю 60-е годы, Краснодар, время оттепели, споры «физиков» и «лириков», записанные-переписанные магнитные записи Владимира Высоцкого и, конечно, поэтический взлет, у подающих надежды, молодых поэтов Кубани. Вадим Неподоба, Валерий Горский, Коля Пастарнак и с ними я, Геннадий Пузанов. Старшинствовал в нашей группе, или, как образно называл это действие, Коля Пастарнак, – «дядько-

ПОЭТ НЕ УМИРАЕТ, ЕСЛИ ОН -ПОЭТ

вал» – Виталий Бакалдин, уже в то время, признанный кубанский поэт. Собирались мы в сквере «на Ворошилова», пересечение улиц Красной и Ворошилова. Там был небольшой, деревянный ларек, в котором за 37 копеек можно было купить удивительно вкусно пахнущий шашлык и кружку пива за 22 копейки. Эта сумма была вполне доступна для каждого из нас. После непродолжительного «пиршества» начинались нескончаемые споры о роли поэзии в жизни каждого из нас, о том, кто «великий», или же, наоборот, из поэтов, звучащих в то «восторженное» время. Если Коля Пастарнак был от природы интеллигентен, Валера Горский вял, даже аморфен, то Вадим Неподоба, уже в те, молодые для каждого из нас годы, был по-хорошему азартен, неукротим, давал молниеносные оценки халтурщикам в литературе, и, что многим было не по вкусу, свое мнение выражал не в закоулках редакций, а смотря глаза в глаза собеседнику. Молодость есть молодость. Все мы мнили себя большими, если не великими поэтами, пусть до поры не признанными. Вадим Неподоба тоже был не исключение, но, в отличие от других, он не выражал себя явно, нахраписто и в спорных вопросах чаще всего держался адекватно тогдашнему нашему положению в литературе. А оно было не из блестящих. «Толстые» журналы периферийных авторов не признавали. Местная печать, как то: журнал «Кубань»,

газеты «Советская Кубань» и «Комсомолец Кубани» печатали номенклатурных авторов. Приходилось издавать* от руки написанные журнальчики, газеты, просто обмениваться написанными стихотворениями.

Общение было каждодневным, порою бурным, и, как я теперь понимаю, плодотворным и полезным.

Романтические 60-е годы... Ныли... были... были... Теперь, читая стихотворение В. Неподобы «Мое пророчество», а именно: «Коль так пойдет, мое пророчество: У россиян а своей стране Не будет имени и отчества, А только... номер на спине»,

Я отчетливо понимаю – такие строки мог написать только большой поэт, искренне любящий свою Родину, переживающий за нее и желающий ей мира и процветания. Очень часто о поте создается, или искусственно прививается мнение, исходя из его жизненного кредо. Глубоко ошибочная позиция. Сущность поэта, его душа, весь он с макушки до пяток настоящий, истинный – в своих стихах. В поэзии ложь не приемлема.

Все это с лихвой относится к Вадиму Неподобе, которому 26 февраля исполнилось бы 70 лет.

Да, пусть земля будет тебе пухом, Вадим... Свою жизнь ты прожил не зря... и, как написал Сергей Есенин: «В этой жизни умирать не ново, Но и жить, ведь, тоже не новой»

Геннадий Пузанов

«В своей судьбе мы не вольны...»

*Прости меня, моя хорошая:
Как быстро молодость прошла!
На первый цвет весны похожая
Тогда, в начале, ты была.
По строгой мерке был я грешником.
Как грешник, всей душой страдал.
Дышал твой поцелуй подснежником,
Своей прохладой возбуждал.
В твоей не сомневаясь верности,
Увы, не первый раз любя,
Тебя я мучил в дикой ревности,
Тебя я мучил и себя.
Но годы горького терпения
Любовью были скреплены...
Отравленных страстей кипение –
Что с нами сделали они!
Остались дни исповедальные,
Слегка увядшие мечты.
Цветы осенние, печальные,
Но это тоже ведь цветы!
Пусть первым снегом припорошены,
Пусть наяву обречены...
Прости меня, моя хорошая, –
В своей судьбе мы не вольны...*

15 января 2005 г.

Накануне своего ухода из жизни эти удивительно глубокие по своему лиризму, проникновенные строки посвятил своей

супруге Елене поэт Вадим Неподоба. После прочтения стихотворений, написанных поэтом незадолго до его смерти, меня не покидала мысль: какая чистая у него была душа! Настоящий поэт, как правило, всегда не понят и по-своему одинок. Вадим Неподоба – поэт от Бога. Его стихи, написанные для взрослых и детей, излучают сыновнюю любовь к простым труженикам, к своей земле, к своим корням. В них нет ни фальши, ни приспособленчества, ни человекоугодия, в них нет ни намека на пошлость – они целомудренные, чистые и исповедальные; иногда кричащие и обличающие, но каждое слово в них, будто стук сердца, отзывчивого, открытого окружающему миру и неравнодушного к чаяниям ближнего.

Активная гражданская позиция позволяла поэту Вадиму Неподобе всегда быть в эпицентре важнейших событий и откликаться на них в своем творчестве. Наряду с широкой общественной деятельностью, он вел большую работу с начинающими литераторами. Среди них – известный поэт Николай Зиновьев. И мне тоже повезло: мои первые детские стихи попали в руки Вадима Неподобы. Он был бессменным редактором трех моих поэтических сборников для детей и взрослых. Продолжая его дело, сегодня я уже сама, в качестве редактора и наставни-

ка, несу бремя ответственности в работе с начинающими авторами. Поэтому-то его имя звучит почти на всех наших творческих занятиях, семинарах, мастер-классах и открытых уроках. Поэтические сборники Вадима Неподобы не пылятся на книжных полках кубанских библиотек – они востребованы читателями всех поколений. Ведь в его стихах и ветераны войны, и молодежь, и младшие школьники давно привыкли узнавать себя.

26 февраля 2011 года поэту Вадиму Неподобе исполнилось бы 70 лет. В канун его юбилея почему-то не хочется говорить об этом человеке в прошедшем времени. Он слишком любил жизнь и увековечил эту любовь в каждой удачной поэтической строке:

*«Отрешился от дел поминутных,
Загляделся в озер зеркала.
И в соцветья надежд моих смутных
Залетела из сада пчела.»*

И сегодня, открывая поэтический сборник Вадима Неподобы, мы имеем редкую возможность беседовать с ним: в чем-то соглашаться, о чем-то спорить, чему-то удивляться. Его слово – живое. Потому что в нем – бессмертная душа поэта.

Любовь Мирошникова

*Оно звучит, как обвинение,
И как насмешка и упрёк.*

Истинная личность поэта, его душа, я убежден, просматривается только в его стихах, а вовсе не во внешних бытовых проявлениях, и только по стихам можно понять, что за человек таится за наружной обыденной «оболочкой».

Последние годы жизни Вадима Неподобы омрачены непреходящей болью – болью физической, вызванной тяжёлой болезнью, и болью душевной, передающейся от большой и израненной страны. Помню, да самых глубин пронзили меня эти строки:

*...Мы пьем вино, и не пьянеем, брат!
А за горю пушки говорят,
И кажется, что наш корабль тонет...*

Сколько уже ушло из жизни с этим страшным чувством забытого экипажа тонущего корабля, сколько ещё уйдёт...

У меня в ушах до сих пор стоит глухой хриловатый голос из телефонной трубки, произносящий ночной порой пронзительные стихи. С Неподобой часто бывало так – ночной звонок, и – стихи. Я словно слышу их сейчас.

Послушайте и вы.

Вадим
Неподоба

ДЕНЬ СПАСЕНИЯ

*«Выкликаю:
— Валерка, Вадим!
Кабаки, переулки, закаты.
Мы неверным молчаньем почтим
Нашей молодости раскаты.
Гей, шампанского! Водку несут.
Ничего, наливай до предела!
Мы сегодня покажем, как пьют
За успех безнадежного дела.»*
Юрий КУЗНЕЦОВ

Прощание с Краснодаром
1966 год

Наша молодость разглядела
Бездны мрак среди мерцающих звезд,
За успех безнадежного дела
Поднимая отчаянный тост.

Заблуждались и ввали безбожно
Наших загнанных судеб отцы,
В рай земной торопясь безнадежно,
Все начала смешав и концы.

День прощания, пламенно свеж ты,
Грусть-тоска, как рубаха, проста:
Ни крыльца, ни отца, ни надежды,
Ни креста – лишь чужая звезда.

Вместе с лозунгом красным нависла,
Обрезая лучами наш путь.
Только Муза была бескорыстна,
Как сестра припадала на грудь.

С нами вместе ходила по девкам
И на риск, что похож на обвал.
И хранила в таких переделках,
Где о нас даже Бог забывал.

«Я вернусь знаменитым поэтом!» –
На прощанье сказал ты друзьям
И подал прямо в точку дуллетом:
Кроме славы, в Отечестве этом
Ничего не оставили нам.

И душа пропадает, и тело,
Сатана веселится взхлест...
За успех безнадежного дела!
Поднимаю Отечества тост.

***

В станции бывает так тихо,
Что облачка слышен полет.
Зеленым дымком повелика
Струится у каждых ворот.

Кубанское лето безбрежно
В разливе привольном пшениц,
В звенящем раздумчиво, нежно
Распеве невидимых птиц.

В явившейся тучке гремящей,
Рассыпавшей дождичка горсть,
И в мысли, Внезапной,
Шемящей,
Что в солнечном мире ты – гость.

Как можно исчезнуть бесследно,
Коль было, вмещалось в душе
Огромное, яркое лето
С ромашкой на дальней меже?

Нет на свете судьбы неправой
От войны эта доля досталась:
Матерям хоронить сыновей,
Проживать в одиночестве старость.

Есть такие дворы в хуторах:
Средь гигантской травы и порухи
Там живут с древней грустью в глазах
Средь немых фотографий старухи.

Перевернута жизнь кверху дном,
И на нитке незримой повисла
Эта радость, лишённая смысла,
Что затеплился день за окном.

Кто виновен, скажите мне, в том,
Что все чаще на нашей планете
Только пыль поднимает винтом
Над жилищем исчезнувшим ветер?

(Окончание на стр. 5)

Если бы знали...

В. Динка о В. Неподобе

***

*Если бы знали, какая
Ночь в эту пору была!
Гром громыхал, не смолкая,
Молния вишней цвела.*

*Чувств озаряемых свежесть –
Как молодая трава.
Правда, отвага и верность –
Всё не пустые слова.*

*К звёздам душа прикоснулась,
Ноги на влажной стерне.
Что ты посеяла, юность,
Жать до скончания мне.*

Среди писателей и поэтов Кубани найдётся немало тех, чьи первые шаги в «профессиональной» литературе связаны с Вадимом Неподобой, тех, кому именно он придал первое «ускорение» в литературный мир. К числу его *protege* могу себя отнести и я. Но среди друзей и знакомых Вадима Неподобы найдётся уж точно много таких, кто лучше меня может рассказать о Неподобе-

Человеке, хотя и знал я его близко, и на даче его не раз встречались – работали и угощались, и обоим клеили в его старой квартире, и вместе встречались с читателями, и много обсуждали стихов, моих и прочих. Он был удивительно для нашего времени внимателен и чуток к чужим произведениям, к малейшим проявлениям поэтического дара у кого бы то ни было. Умел восхищаться чужими стихами, ценить их более своих. Много ли встретишь подобных людей среди поэтов? Но зато он был до грубости непримирим к проявлениям бездарности, особенно к бездарности самовлюблённой. Он мог быть резким, даже чересчур, порой мог быть заносчиво-несправедливым. Но равнодушным он не был никогда. Имея во всём свой взгляд, своё убеждённое мнение, он не останавливался перед любыми авторитетами (и литературными, и властными) в отстаивании своих убеждений. Оттого, наверное, найдётся немало затаивших на него обиду. Бог им судья.

*Ну, хоть во что-нибудь вмещаешься,
Как сразу же найдется тот,
Кто скажет строго и внушающе:
«Он много на себя берёт!»*

*И, как ни странно, это мнение
За нами ходит долгий срок.*

Поэзия

(Окончание. Начало на стр. 4)

Кто ответит? Родные поля?
Вековые преданья? Науки?
Может, темное, будто земля,
Очерствевшее слово старухи?

Становлюсь на просевший порог,
Захожу под усталую крышу:
— Здравствуй, мать!
— Не старайся, сынок:
Сколько лет ничего я не слышу!

* * *

В разладе с обманчивым миром,
По воле презренной судьбы
Тебя он не выбрал, а вырвал,
Как яркий цветок, из толпы.

От счастья слепыми руками
Сквозь солнечный ливень густой
Принес и поставил в стакане
Квартиры своей холостой.

Забыл он, от гордости тайной
Печален, упрям и жесток:
Мечтает о вазе хрустальной
Любой, даже скромный цветок.

Домой приходил обозленный,
Мечтою своей обуян,
То до бессознания влюбленный,
То просто бесчувственно пьян.

Порой не промолвит и слова,
В себя погружен, а порой
Любовь, и доверье, и злоба
К тебе обращались одной.

А что ты могла, городская,
С врожденною ленью в крови,
Которой привычка людская
Превыше мечты и любви?!

Уходишь, бросая: «Постылый!»
Желая за все отомстить,
И все же оставить нет силы,
Тем боле — понять и простить.

Что делаешь, вряд ли ты знаешь.
Ко всем терпелива, ровна,
Его ты безбожно терзаешь
И любишь, как берег волна.

Если б вы знали, какая
Ночь в эту пору была!
Гром громыхал не смолкая,
Молния вишней цвела.

Чувств озаряемых свежесть,
Как молодая трава.
Правда. Отвага. Верность.
Всё — не пустые слова.

К звездам душа прикоснулась,
Ноги на влажной стерне...

Что ты посеяла, юность,
Жать до скончания мне.

РАЗЛАД

Лучших чувств моих царевна,
Мое солнышко в зрачках,
Было: море по колено,
Вся Россия в васильках.

Это было, было, было,
Было, грустная, поверь,
Когда ты меня любила,
Только я был чистый зверь.

В дебрях совести витая,
Как полночная сова,
Что должна ты быть святая,
Я внушал себе слова.

Я держал тебя когтями
Древней ревности своей,
Обмороченный путями
Двух неистовых кровей,
На краю земли рожденный
У судьбы на волоске,
Темным миром разбомбленный,
Оскорбленный, разведенный,
С ниткой памяти в руке.

Даже к солнечному зайчику,
Что прилег к тебе в кровать,
Мне случалось, словно мальчику,
Безотчетно ревновать.

Знаю, знаю — это дико,
Бескультурия Эверест.

Вадим Неподоба и Юрий Кузнецов

Да и сам, признаться тихо,
Верю в святость лунных мест.

Только всё волной слизало,
Закрутило, понесло,
Когда ты назло сказала...
Ну, скажи, зачем на з л о!

Веря в жуткие приметы,
Я качнулся, как шальной...

Жаль, что даже сигареты
В полночь не было со мной.

ПРИРОДА

Устроено просто и мудро,
Как только природа творит:
Прохлада предлетнего утра,
Дымки прибрежных раки.

За линией берега тонкой
Едва проступают пруды.
Молочной затянута пленкой
Поверхность прозрачной воды.

Как можно века неустанно
И, словно впервые, всегда
Так делать, чтоб из тумана
Тебе улыбалась вода?

Чтоб солнце к людским нашим бедам
Своим прикасалось лучом...
Как можно быть кроткой при этом,
Как будто она ни при чём?

Хранить свои травы и воды —
Равно: красоту и число...
Всё лучшее в нас от природы,
Откуда же, Господи, зло?

* * *

Про золотую середину
Не раз твердили мудрецы:
«Не жми.
Стой так, чтоб ветер в спину.
С размаху не руби концы».

И ты всё делал вполсилы —
Творил не зло и не добро,
Когда ж попал на середину,
То счастье в стороны ушло.

* * *

Не помня ни страха, ни боли,
Сраженный свинцом на лету,
В широкое, чистое поле,
Как витязь последний, паду.

Родимое небо укроет,
А поле меня обоймёт,
И рану рососою омоет,
И силу мне ветром вдохнёт.

Поднимут упругие травы,
Пройдёт холодок между плеч...
Я встану, кольчугу поправлю
И выну зазубренный меч.

ДАШЕ

Светишься, торопишь и робеешь,
Умоляешь нас — не провожать.
Подожди, родная, ты успеешь
Взрослею, и даже очень,
Стать.

Всё в тебе дрожит и замирает,
Бел, как чистый лист, воротничок.
Этот путь
Никто не выбирает,
Каждый в этой жизни — новичок.

По утрам, заботой окружая,
По привычке странной торопя,
Я себя как будто провожаю
Каждый день всё дальше от тебя.

Вот ты мне рукой махнула, зная,
Что я должен за тобой прийти...
Сохрани, господь, тебя, родная,
На твоём единственном пути!

ВЕРШЕНЬ

Ярый зной. Солнце прямо в зените.
На всё небо — ни облачка — день.
Хоть куда в эту пору взгляните,
Где она, столь привычная тень?

Лишь недавно повсюду за вами,
Как собака, бежала вослед.
В полдень — пыль и песок под ногами,
А её, как и не было, нет.

Только губы иссохлись от жажды...
Но под вечер, худа и длинна,
Тень встаёт и идёт перед каждым,
Как беда или даже вина.

Тяжелы наши тени под вечер...
А пока — грусть-тоска не берёт:
Солнце в самой середочке —
Вершень,—
Как до солнца, дорога вперед.

Сам ты — мир, а не мира частица.
И еще не ударил тот час,
Когда тень на дорогу сочится,
Преклоняя к извечному нас...

* * *

Тебе приснился бездорожный,
Идущий небом человек.
Он был с тобою осторожным,
Как этот падающий снег.

Его жалела, не жалела,
Страсть померцала и ушла.
И оттого отяжелела,
Как ветка зимняя, душа.

* * *

Что это?
Во поле чистом
Кони ли, скирды стоят?
Годы проходят со свистом —
Не оглянуться назад.

Минуло лето — ну что же!
Осенью дали видней.
Стал я умнее и строже...
Может быть, просто бедней?

Может, как раз потому-то
В сердце, где радость цвела,

Боль оставляет минута —
Та; что из жизни ушла.

* * *

Мы живём у надежды в плену.
За неё наивысшая плата,
Если в мире хотя б одному,
Кроме матери, жизнь твоя свята.

Значит, очень тебе повезло.
Став ведущей нынче наукой,
Всё уродство, отравы и зло
Круговую повиты поруклой.

Святость жизни, раздавлена ты
Многотысячем войн на планете,
Но святыми рождаются дети,
И нетленны о счастье мечты...

* * *

Подует холодом из дола,
Нальётся стужею роса —
И позовут меня из дома
Поля, овраги и леса.

И жгуче новой, чуткой правдой
Нездешне ярко и лучист, —
С такой задумчивой прохладой
Заглянет в душу каждый лист.

И в тишине исповедальной
Среди берёзовых лампад
Раздастся предков голос дальний,
Прошедших, словно листопад...

* * *

Умру — и двор наш станет тесным.
Любой прохожий — гость тогда,
При жизни я таким известным,
Конечно, не был никогда.

Придёт. но чтоб не выделяться,
Бочком, и голову склоня,
Жена, которая лет двадцать
Назад оставила меня.

Стеной угрюмой встанут братья,
Три дня не будут есть и спать,
Но материнское объятие
Помогут всё же разорвать.

И разойдутся виновато,
Следы их ветер заметёт.
А вся огромная утрата
На сердце матери падёт.

Наполнит дом — углы и стены,
И страшным грузом в тишине
Она раздавит постепенно
Боль ножевую обо мне...

СОСТРАДАНИЕ

И смотрела в лицо, и ласкала,
Заправляя спадавшую прядь;
Слово, равное горю, искала
И в слезах не могла отыскать.

Говорила: «Всё — божия милость.
Он к себе кого зря не берёт»,
Чтоб хоть чем-то внушить

справедливость,

Только вышло — наоборот.

Побережись для тех, убеждала,
Кто живой.
Ведь его не вернёшь
Никогда.
И сама зарыдала,
И чей сын во гробу — не поймёшь.

* * *

Возвращаясь к родному порогу,
Растерявший себя не совсем,
Как тогда, собираясь в дорогу,
На прогретый пригорок присел.

На высоком дыхании пахот,
По-отечески светлых небес
Я услышал, как родиной пахнут
Волны речки, и поле, и лес.

Я не виделся с матерью долго,
Позабыла меня и родня.
Ощущенье горячее долга
Переполнит внезапно меня.

Задержу этот миг на минуту,
Процежу через родину вдох,
А иначе ни дому, ни утру
Не верну я просроченный долг.

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

ТЫ В НЕБЕСЕХ...

11 февраля 1941 г. в станице Ленинградской родился великий русский поэт Юрий Поликарпович Кузнецов.

Следующий сокурсник – Юрий Селезнёв, в будущем – лидер московских критиков, розовощёкий, высокий. Всегда ходил со стопкой книжек под мышкой, просиживал свою молодость в библиотеке – «Пушкинке», да ещё и в заветном абонементе лишь для учёных, куда достал пропуск. Любимым его автором работ по НСО был Достоевский. Характерно подчмыхивал и поддёргивал носом, как от щекотки, был лидером научно-студенческого общества под руководством русоведа-профессора Всеволода Альбертовича Михельсона. И никто не догадывался, какую творческую вершину он покорит в журнале «Наш современник» и редакции «ЖЗЛ». С кем попало не водился, дружил верно и преданно со Славиком Неподобой, старшим на 2 года братом известного кубанского поэта Вадима Петровича Неподобы. Славик был признанным на факультете литературным авторитетом, все звали его Белинским и тянулись к нему, как к прирожденному оратору, лидеру, вожаку.

Валера Горский, земляк Юры из Тихорецка, физически слабенький, застенчивый, читал свои новые стихи о весне, о слепом, переходящем улицу, неловко тычась палкой в бордюр. И смущённо прикрывался тыльной стороной ладони, как девушка. Весь витал в поэзии, придумывал строчки и тут же озвучивал нам, одноклассникам. Дружил, как и я, с Вадимом Неподобой. Юрий Кузнецов позже посвятил ему три стихотворения.

Вечерами студенты гуляли по Красной от Тельмана до улицы Горького, туда и обратно. Володя Шейферман (Жилин) тоже декламировал нам свои творения на углу Мира и Красной. Его стихи, на грани разума-безумия, возбуждали воображение, были очень смелыми и свежими.

Поэты, литераторы встречались в аудитории на Тельмана, 4, по выходным. Читали по очереди, кто что «сотворил» за неделю. Звучали проза и поэзия. Слава Неподоба делал щадящие, благожелательные разборки. Ему не жалко было дать лестные прогнозы какому-нибудь из нас «старика». Кстати, позднее довелось мне бывать на нескольких семинарах, и все были безжалостными «избиениями младенцев», уничтожавшими робкого автора на корню. Теперь же не лучшие времена проживают два официальных Союза писателей, то и дело переселяемых властями в Краснодаре «к чёрту на кулички».

В конце дружеской встречи Славик обычно собирал в кепку по рублю, лично шёл в гастроном и покупал большую бутылку дешёвого портвейна и кабачковой икры. Пир переносился в одну из комнат общежития, где строгой хозяйкой была комендантша Анна Константиновна. Её боялись все, но не Славик. Он по выходным сколачивал бригаду грузчиков, мы шли разгружать вагоны на Краснодар-2, зарабатывали деньги и продукты. Славик не забывал про Анну

Константиновну, делясь с нею то связкой бананов, то ящиком лука.

Юра Селезнёв обычно не участвовал в мальчишниках, осуждал портвейновое веселье Славика и уходил к своей возлюбленной Людочке. Он недавно женился и жил у тещи, на улице Комсомольской, в старом высоком доме недалеко от вуза. Его Людочка была исключительно красива, фигурой напоминала Софи Лорен. Я завидовал Юре – какая женщина у него!

Юрий Кузнецов тоже заходил на неподобовские чтения. Сидел или один, или с Вадимом Неподобой. Был он огромнее всех, широко расставлял ноги, чтоб уместить их под столом. Его породистое лицо оценочно поворачивалось к выступавшим, он морщился, кривился – не нравилось. И редко когда улыбался. Пить портвейн не ходил, держался особняком, был слегка высокомерен. Наверно, уже тогда знал себе цену. Вадим восхищался своим кумиром, декламировал его стихи девушкам и ребятам, заучивая наизусть. Он боготворил Юру. Мне казалось, что Вадим станет великим поэтом, он пишет всё лучше и лучше, а за что он хвалит Юру, я не понимал. Тем более что Юра иногда делал вид, что не замечает меня, наверно, на почве ревности.

Я увидел его первый раз на улице... Дело было так. На факультете училась Наташа Колодезная, воронежская дивчина, красивая, остроумная хохотушка с белыми пышными волосами и кудельками на висках. Она выпивала нарвене с Вадимом портвейн, была на равных с аспирантами и доцентами, не отказывала в свидании мальчикам. Кузнецов раза два встретился с нею, прогулялся. Назначил ещё свидание. И в эти дни я тоже увидел Наташку, но как? На крыльце вуза увиделись двое парней из-за неё, а она с застенчивой страстью наблюдала, кто кому набьёт морду. Назначила обоим одновременно свидания возле вуза. Пока лев и тигр терзали друг друга, пришла обезьяна (это был я) и увела их добычу, то есть Наташка пошла со мной. Ей было уже неинтересно, кто победит. Мы с ней долго гуляли, выпили бутылку портвейна по очереди из горлышка, она набила тупфлями ноги и шла босиком, я привёл её к общежитию, стоял на «шухере», пока она влезала через окно в свою комнату, до смерти боясь Анну Константиновну.

Следующие два вечера мы опять гуляли, я уже считал, что мы с нею задружили. И вот идём по Красной, она забыла, что назначила свидание Юре Кузнецову возле перил уличного ограждения. Он стоит, думая, что она торопится к нему, мы проходим мимо. Он окликает. Я оборачиваюсь, вижу здорового парня с проницательным лицом. Такой не унижится до драки. Но мыщцы приличные, видно, качается. Наташка отрывается от меня, возвращается к нему, он берёт её под руку и ведёт в противоположную сторону. Я стою дураком и не знаю, что мне делать. Отнять силой? Смириться с потерей? Я вижу, что Наташка упирается, замедляет ход, бегу за ними, хватаю свою подружку под руку и отрываю от верзилы. Его лицо передёрнулось, он потянул девушку к себе, а я – к себе. Наташка высвободилась, буркнула Юре «извини» и быстро пошла со мной. Шагов через двадцать я оглянулся – Юра стоял, как вкопанный, переживал. Или философствовал о женском коварстве, непостоянстве красоты.

Я недоумевал всё время, почему Наташка пошла со мной? По всем статьям Юра был красивее, породистее, талантливей меня. Кроме настырности, мне и козырять было нечем. Но мы с Наташкой удержались друг возле друга, все её кавалеры отстали, никому больше она не назначала свидания. На последнем курсе мы поженились и вместе уехали отрабатывать диплом на Дальний Восток. Потом всё ж расстались, через 15 лет. Её тятя к портвейну оказалась сильнее всего, хотя и работала моя бывшая референтом в ЦК компартии Узбекистана.

И сейчас, живя в Ташкенте, любит богему и горячительные напитки.

А Юрий Поликарпович, говорят, прислал письмо, где спрашивал, правда ли, что Колодезная Наташа вышла замуж за Виталия Кириченко? Да, правда.

В институте Юрий тяготился учебой, пропускал лекции. Он знал, что не по призванию сидит здесь. И на лекциях тоже писал стихи. Тетради для конспектов он испещрял рифмованными строками. Лекторы были благосклонны к юноше. А вдруг он станет великим поэтом? Не надо мешать. Всеволод Альбертович Михельсон, Израиль Львович Духин и его жена Белла Израилевна, Никита Владимирович Анфимов, Николай Иванович Самохвалов и другие преподаватели так и остались в памяти истинными поборцами своей науки и вечного творчества.

А Юру нашёл влиятельный покровитель, секретарь крайкома партии по идеологии. Он звонил вузовскому начальству, требовал студента Кузнецова к себе на приём и заставлял читать свои произведения. Говорил ему, что запирает его на ключ на два-три часа в кабинете, а когда вернётся – чтобы новое стихотворение было написано. И Юра сочинял, бродя по вельможным коврам, выглядывая в окно. Внизу, по улице Красной, шли люди, не ведая, что творятся гениальные вирши. Секретарь этот стал покровителем, спасал Юру от наказаний за пропуски лекций и побуждал его к творчеству. Не раз звонил декану Гавриле Петровичу Иванову, что Юра на ответственно партийном задании. И Юра добросовестно сидел под замком, рождая свои шедевры.

Где он теперь, этот секретарь? Найти бы такого в нынешние времена!

Вскоре, точнее, через полгода, Юра ушёл в армию, попросился на Кубу, «в горячую точку». Как раз случился Карибский кризис, когда наши ракеты оказались под носом у американцев, да ещё в большем количестве, чем они насчитали.

С тех пор прошло несколько лет. Я отработал с Наташкой на Дальнем Востоке, растерял краснодарских друзей и лишь в 1977-м возвратился. Юрий Поликарпович обосновался в Москве, но наезжал и на Кубань. Стал знаменитым, известным. По приезду останавливался в гостинице, обязательно навещал Вадима Неподобу. Подсказывал ему окончить курсы литинститута. Вадим маялся по квартирам, распалась его семья, замучили алименты.

В маленькой комнатухе, которую Неподоба снимал у старушки на улице Коммунаров, между Горького и Гоголя, я встретил Юрия Поликарповича, зайдя проведать Вадима. Московский гость сидел на низеньком креслице, широко расставив ноги, еле уместившись в комнатёнке. Они о чём-то оживлённо беседовали, как оказалось, о положении в Союзе писателей, о возрастающих трудностях напечататься. Кузнецов мне кивнул, но руки не подал, лишь внимательно осматривал. Оба уже были разгорячены всё тем же портвейном. Вадим печатал на моей пишущей машинке, комкал и выбрасывал в угол бумажные листы. Юрий привёз другу пару своих книжек, одну всё держал в руках, ласково поглаживая томик, как бы общаясь энергетикой с оторванной частью своего внутреннего мира, вошедшего в эту книгу. Вадим души не чаял в друге, ревностно на меня поглядывал, как бы я не перехватил на себя внимание москвича.

Вот, пожалуй, и всё, не считая официальных встреч и приёмов то в Союзе писателей, то на выступлениях перед аудиториями. Глядя на обоих во время чтения собственных стихов, я радовался их талантам, огромной и точной памяти, обилию запомненных строк.

И всё ж, считаю, Юрий Поликарпович пока недооценён, не разошёлся в народе «летучим дождём брошюр». То ли время такое серое, то ли специально препятствуют некие силы, тормозящие русскую культуру? А скорее мы сами по врождённой безалаберности не хотим и не умеем чествовать самых достойных первопроходцев-гениев, считая, что колы Россия богата талантами, то нечего их и отмечать. Бабы ещё народят.

«Ты в небесах, мы во гресех»,
прости нас, Юра, всех.

Виталий Кириченко,
ст. Брюховецкая
17 января 2011 г.

ПРОЗА

Сергей Сычёв

Тишина

(из цикла «Истории,
рассказанные Джоном До»)

заплетая язык об имя-отчество фальшивого баритона.

— Прощу меня извинить, Юл Севлыч... Я До, Джон До из деревни Забугорной. Вы, наверное, помните, вы были у нас прошлым летом с творческим выступлением... Я вам потом свою книжку подарил, а вы мне тоже свою подарили и ещё свою визитную карточку дали...

В качестве аргумента я протягивал к лицу собеседника измятый прямоугольник.

— Помню... — неохотно кивнул мой собеседник, неприятно поморщив лицо при упоминании о визитной карточке и даже не взглянув на неё. — Входите. Видимо, у вас дело срочное и важное.

Я шагнул через порог, моё сердце учащённо забилось — сейчас-то я увижу настоящий писательский кабинет, лабораторию творческой мысли! Какая, наверное, в нём особая энергетика! И воздух особенный! Конечно! Ведь это же дом выдающегося человека, настоящего прозаика! Живого классика! Лауреата!..

— Так что вас ко мне привело? — оборвал мои душевные восторги лауреат и классик, важно скрестив руки на впалой груди.

Мы так и остались стоять в просторной прихожей. Сердце сразу сбавило темп, и я вспомнил, наконец, зачем пришёл сюда.

— Прощу меня извинить, Юлий Всеволодович, но вопрос, действительно, очень важный.

Юлий Всеволодович приосанился. Каждому приятно ощущать, что в нём остро нуждаются.

— Вы не знаете, в каких словах заключается тишина?

Живой классик непонимающе вытаращил глаза и уставился на меня в немом вопросе.

— Я интересуюсь, какими словами можно запечатлеть тишину? Ведь должны быть для этого какие-то особенные слова... Вас, наверное, этому в литературном институте учили. Или может быть вам по причине широты вашего таланта это известно...

Лицо Юлия Всеволодовича побагровело, он замычал, плотно сжав губы, а потом начал выдавать маленькими порциями, словно паровой клапан на котле:

— У-у-у... я тут, понимаюшь... ы-ы-ы... нетленку... к сроку... а он... г-г-г... тишина... ф-ф-ф... бред!.. нашёл... чем беспокоить... дрры-а-а-а...

По мере выпуска пара лицо моего собеседника постепенно приобретало нормальную окраску.

— Да нет же, это очень важно — правильно сказать о тишине!

Решимость снова вернулась ко мне.

— Ведь никто ещё толком об этом... Целый культурный пласт... Целая глыба... Какое упущение!..

Внезапно лицо Юлия Всеволодовича подобрело. Он деликатно остановил меня, мягко положив руку на плечо, а затем проворно нырнул в одну из дверей своей квартиры и

вернулся вскоре оттуда, держа в руках синий прямоугольник визитной карточки.

— Он знает. И не откладывайте, — хозяин квартиры посмотрел на висевшие на стене прихожей часы и чему-то улыбнулся, — немедленно, сегодня же!.. Он знает!

Я не успел ничего сообразить, как за моей спиной хлопнула дверь. Я стоял в коридоре, сжимая синий клочок картона, на котором золотыми буквами было выведено: «Союз поэтов и прозаиков России, Аполлонский Константин Максимилианович, поэт». Ниже значился адрес.

Аполлонский! Вот оно что! Вот так удача! Кто же не знает знаменитого Аполлонского! И он, Аполлонский, знает то, что важно знать мне!

Я устремился по нужному мне адресу.

У меня не было часов и я совсем не обращал внимания на время... но истинности ради, следует сказать, что уже была ночь...

...Поэт был пьян. Здоровый, как медведь и гривастый, словно лев, он сграбастал моё тело в охапку, затащил меня в сильно захламлённую, богато обставленную комнату, усадил на диван и протянул наполненный до половины стакан с водкой. Я вежливо поблагодарил его и отказался от предложенного угощения.

Ничуть не расстроившись, поэт выпил сам, икнул пару раз и махнул в мою сторону рукой.

— Не обращай внимания. У меня творческий запой. Это скоро пройдёт. Ты кто?

— Я графоман.

— Смело, — удивился поэт.

Я согласно кивнул.

— Понимаете, я мучаюсь вопросом правильного отражения в русской словесности образа тишины... И вот мне сказали, что вы знаете, как это нужно... можно... в общем, какими словами надо писать о тишине.

— Кто сказал?

— Вот тут... — я полез в карман за визитками, желая рассказать о своих хождениях во всех подробностях.

— Да ладно тебе, не колотись, сам знаю. Это сволочь Катальпов тебя ко мне подослал.

Я вяло попытался возразить насчёт сволочи, но Аполлонский меня остановил.

— Это для тебя он великий писатель, а для меня сволочь... хоть и друг. Ну я ему припомню, будь спокоен. Ещё поквитаемся, Юлик... Так что там у тебя?..

Я напомнил о тишине.

— Ну да, тишина... Хрен с ней, с тишиной, ты вот лучше послушай.

Поэт закатил вверх глаза, вскинул театрально правую руку и начал зычным басом...

Не созданы мы были друг для друга...

Я выполз из квартиры поэта Аполлонского перед самым рассветом. В голове шумело, прыгали обрывки его стихотворений, раздавались звяканье бутылки о стакан и громкие, как раскаты грома, угрозы и обещания в адрес «сволочи Юлика»...

За час до полудня я наконец-то переступил порог своего выжужженного и одинокого дома. Печь давно потухла и не издавала ни звука, ходики на стене сердито молчали, а на столе всё так же белел чистый лист бумаги с одним только словом на нём: «Тишина». Подойдя к столу, я долго любовался этим листком, восхищаясь совершенством и законченностью начертанного на нём, а затем взял карандаш и дополнил лист самым последним, маленьким, но таким недостающим штрихом, аккуратно выведя внизу листа:

«Джон До, Одинокий Ветер».

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ ТАРАСА ШЕВЧЕНКО

(Окончание. Начало на стр. 3)

БЕССМЕРТНЫЙ КОБЗАРЬ

А казачья форма Головатого пригодились художнику для написания портрета героя пушкинской «Полтавы» Кочубея, который хранится ныне в музее Т. Г. Шевченко в Киеве.

Такое завершение получила задумка «кликнуть на свет» Головатого.

Но мы, читая письмо Тараса Григорьевича Якову Герасимовичу, вспоминаем, как дважды, по указам Петра I и Екатерины II, разоряли Запорожскую Сечь. Кобзарь словно бы вздыхает над своим письмом: «...на Украину я не надеюсь, там совсем нет людей, одни немцы проклятые, больше никого... Твой «Черноморский быт» вышел из цензуры как следует». И мы понимаем: именитый Кобзарь помогал генералу выпустить известную нам пьесу. В другом письме, уже из оренбургской крепости, Тарас пишет: «Десять лет неволи, друже мой единственный, искалечили, убили мою веру и надежду, а она когда-то была чиста и непорочна, как дитячко, вынутое из купели». А как расстается Тарас с генералом в последнем письме из неволи: «Прощай, мой единственный друже! Возможно, с божьей помощью, этим летом увидимся, а пока это произойдёт, заочно целую тебя, как брата

родного, а ты поцелуй за меня свою старуху и перецелуй своих деток».

Но переписка двух писателей, кубанского казачьего генерала и украинского Кобзаря, требует особого исследования. Это прямая задача литераторов Кубани — дать заслуженную оценку нашим не умирающим деятелям отечественной культуры.

***

Высокую оценку давали Тарасу Шевченко и переводили его на русский язык многие крупные поэты: Александр Твардовский, Павел Антокольский, Николай Асеев, Иван Бунин, Владимир Луговской, Борис Пастернак, Корней Чуковский, Вера Инбер. Прозу Тарас Григорьевич — шесть повестей и статьи — писал по-русски. По основным изданиям Кобзаря (полному собр. соч. в 6 томах на украинском, Киев, 1963, и четырёхтомному собр. соч. на русском языке, Москва, 1977) я понял, почему выдающиеся писатели и художники считали Тараса Шевченко великим народным поэтом и художником Украины, **какого нет ни у одного другого народа.** Автор предисловия к украинскому однотомни-

ку «Кобзарь», изданному в Киеве в 1961 году, академик Максим Рыльский писал: «Шевченко вырос из народной песни. Его поэтическая речь от первых строк («Утопала стёжка на бережку», «Купи мне, мама, монисто», «Ой, крикнули серы гуси») до заключительных выражена в характере народной лирики, без всякой стилизации, ибо поэт мыслит по народному. И народ принял слово Шевченко как своё. Если бы Тарасу Шевченко не выпала доля обрести поэтическое имя, он бы, несомненно, был одним из безымянных творцов, какие дали миру те изумительные сокровища, которые мы именуем — украинский фольклор.

Мы называем Шевченко народным поэтом не потому, что он писал в народном стиле (так написана часть его произведений), а потому, что все мысли его, вся его любовь были посвящены своему народу, борьбе за его свободу и счастье». (Перевод с укр. мой — И. Б.)

«Шевченко — поэт совершенно народный, — писал Добролюбов. — Даже Кольцов не идёт с ним в сравнение, потому что складом своих мыслей и своими устремлениями иногда удаляется от народа. У Шевченко,

напротив, весь круг его дум и сочувствий находится в совершенном соответствии со смыслом и строем народной жизни». Александр Герцен и Николай Огарёв писали в журнале «Колокол»: «Шевченко, народный в Малороссии, с восторгом принят, как свой, в русской литературе и стал для нас родной: так много общего в наших страданиях и так самобытность каждого становится необходимым условием общей свободы». Художник Лев Жемчужников писал: «Вышедши из простого народа, он и нас обернул лицом к народу и заставил полюбить его и сочувствовать его скорби». А Максим Горький в Каприйской школе в 1909 году призвал литераторов «учиться у Шевченко изображению народной жизни и борьбе за Свободу».

В заключение своей статьи приведу слова ссыльного польского публициста Яна Гордона, знавшего Кобзаря по Орской крепости: **«Революция была его стремлением. Можно сказать, что он глядел на мир сквозь красные очки».** Менее чем через три с половиной года, 150 лет назад, после ссылки 47-летнего народного гения не стало. Дорогие друзья, «... не забудьте упомянуть незлым тихим словом».

Иван БОЙКО, февраль 2011 года

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЗАПАСНИК

Горгий. Когда говорят: «Поэт от бога», – наверно, имеют в виду, что его стихи слушаются как боговдохновенные заклинания. Они сильны напевом слов, которые приносят радость и печаль отводят. Сливаясь с представленным, возникающим в душе, мощь слов заклинаний своим волшебством ее чарует, убеждает, перерождает. И тогда от поэтической речи, имеющей мерность, исходит к слушателям и страх, полный трепета, и жалость, льющая слезы, и страсть, обильная печалью; по воле слов на чужих делах и телах, на счастье их и несчастье собственным страданием страдает человеческая душа.

Дионисий. Совершенство произведения зависит от искусства уместного со-

четания слов. Сочетание слов является причиной создания речи поэтической и прозаической, так как все дело не только в выборе словесной материи, но в определенном чередовании и распределении компонентов. Слова можно сплетать и сшивать одни с другими: те, что очаровывают, соединяются со словами иной природы, чтобы скрадывать неприятность последних. По мне, легко отличать стиль писателя от стиля поэта: писатель прозы поступает как разумный военачальник, прикрывая слабые части сильными, и тем самым используя все свои возможности; у поэта удовольствие, доставляемое слухом с помощью соединения мелодичных, ритмичных, звучных слов, услаждают чувства, ласкают их. Стихи и проза только тогда

становятся красивыми, когда достигается красивая стройность, а слово, брошенное наугад, как попало, губит вместе с собой и полезную мысль. Даже низменные простые слова, сложенные в приятные и искусные сочетания, облачают речь величайшей прелестью, а медлительность действия в описании достигается односложными и двусложными словами, разделенными большими промежутками. Соппротивление, тяжесть и трудность достигаются долгими слогами, твердо упирающимися и прочно сидящими, непрерывность напряжения передается через шероховатые сочетания букв, а вздутые мышцы и сопротивление камня – через толщину ритма. И все это создается не случайной игрой природы, а старанием искусства воспроизвести

события. Таким мастером, старательно воспроизводящим события, может быть только писатель, пишущий прозу.

Секст Эмпирик. Я только хочу сказать в отношении прозаических писателей, что они полезнее для жизни больше открывают, чем поэты. Ведь первые стремятся к истине, в то время как вторые изо всех сил стремятся привлечь души, а души привлекает больше ложь, чем истина. Подобно тому, как литературный речевой обиход подвергается осмеянию у обывателей, так же и обывательский – у литературно образованных людей.

ведущий рубрики
Анатолий Ильяхов

А. Голубев «ЛАДОМИР» – ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ ТВОРЧЕСТВА

13 февраля 2011 года в Центральном Доме Культуры «Зодиак» города Гулькевичи состоялось торжественное мероприятие, посвященное 15-летию творческого объединения «Ладомир». В нем принимали участие профессиональные и самодеятельные поэты и писатели, художники, мастера декоративно-прикладного искусства и ремесел из Гулькевичского, Тбилисского, Кавказского, Новопокровского, Курганинского, Лабинского, Тихорецкого районов, городов Краснодар и Армавир.

На улице в этот день было морозно, сильный ветер мел поземку. Обледеневшие провода оборвались где-то на линии, и в Доме культуры не было света. В течение часа решали, что делать, и где все будет происходить – в кинозале или фойе?

Зато за это время все приглашенные смогли неспешно осмотреть картины местных художников, полюбоваться резьбой по дереву, взглянуть в хитросплетения кружев и гобеленов, послушать переливы глиняных свистулков, которые тут же можно было купить у мастера.

Наконец запустили аварийный генератор, его мощности хватило лишь на несколько электроламп освещения в фойе и звукоусиливающую аппаратуру, поэтому вопрос о кинозале отпал.

Но самое главное – мероприятие было торжественно открыто, и все тут же забыли и о морозе за окнами, и о снежной поземке.

Звучали поздравления представителей городской администрации, творческих коллективов, хоровые капеллы первого и второго состава объединения «Ладомир» исполнили казачьи песни, собравшиеся увидели «боевую» схватку на мечах участников группы исторической реконструкции, увешанных доспехами и кольчугами.

К сожалению, регламент мероприятия определял тот самый электрогенератор, в помещении не было сидячих мест, если не считать нескольких скамеек, расставленных вдоль стен. Выстоять долго присутствующие не могли, поэтому многое пришлось сокращать, так и не были прочитаны со сцены стихи поэтов объединения Н. Хрущ, И. Кротова, С. Мельникова и их гостей, а жаль!

И последнее. На всех, впервые попавших сюда, большое впечатление произвела каменная надпись «ЛАДОМИР», выведенная полукругом по бетонному полу фойе. Пятнадцать лет для такой надписи лишь мгновение, и хочется верить, что в такой же мере это относится и к объединению «Ладомир»! Творческих вам успехов, вдохновения, поисков и находок!

Александр Мартусенко

НАПРИМЕР

Больной открывает дверь ключом и в тот же момент чувствует у себя в области сердца такой же ключ, который тоже поворачивается.

(Пример Э. Блейлера)

Больной открывает дверь ключом и в тот же момент чувствует у себя в области сердца такой же ключ, который тоже поворачивается. Дверь распахнулась в голову, и в мою комнату вошла птица с крыльями бабочки вместо плаща. Она сняла шляпу и представилась: «Ворон Белый».

Я почему-то стою у подоконника и пытаюсь согреть почему-то озябшие руки о холодную батарею, смотрю во двор. Глаз – ядерный взрыв. Взгляд – выстрел. Сквозь своё и сквозь чужое отражение в стекле. Навылет. Разводы, оставив на роговицах. Ворона стая, стая рассыпалась чёрным салютом. Это воробей скачет по карнизу? Он был по-вороньи чёрен.

– Алчки!! Простите, простуда. Вам телеграмма.

– Причём тут я?! Вы ошиблись.

– Думаю, надеюсь, Вы напишите, например...

И вот дописываю на обратной стороне бланка то, что пришло мне в голову на лекции по одной из химий: «Кипящая кровь обжигает сильнее воды». И подпись: «Сонливые маки».

– Спасибо, от них, до свидания.

– До свиданья, ещё подождите... скажите, я Вас не удивляю?

– А я? – он взмахнул крылом и прикрыл за собой дверь, чтобы не сквозило.

– Я привык ничему сильно не удивляться, разве, что в полнакала, в четверть стакана. Останьтесь, мне не с кем поговорить.

– Я ждал этого...

– Какие у Вас интересные сапоги.

– Это грибная кожа.

– А хотите, сплету Вам кольчужку, вот хоть из этой медной проволоки на подоконнике. Недорого.

– Благодарю.

Сажусь на табурет и принимаюсь за дело, гость рядом, возле стола. На столе блюдо, на блюде арбуз, на арбузе муравьи ищут и не находят свои тропы. (Я с утра натёр его чесноком).

– Хотите арбуз? Я разрежу, последний осенний, наверняка переспелый. И

косточки будет так приятно клевать... извините!

– Не стоит.

– Простите, может тогда муравьяв.

– Вы что?! Они же Ваши. Вы поберегите их до зимы, у Вас вон как холодно, а они ещё бегают, измеряют шар своими шажками. Что до меня, то я питаюсь только хвощами и заманхой: для лучшего настроения.

Молчим.

– Птиц принято просить спеть.

– Хорошо.

По комнате широкой полосой разлился белый шум.

Светлый дворик, а за двориком овраг. В овраге том среди тайнобрачных хвощей (что некошены сеном стали) лежит деревянное колесо, да со спицами. На колесе свеча, а на свече пламя. Да пламя то переплавит в жизнь болезнь всякую.

– Вкусно сказано, чувствуете, как смачно. Только, что это означает?

– Сам не знаю, пока не придумал... что-то из детства. К примеру, тогда мне было интересно, кто опыляет арахис, если он цветёт под землёй. Кто?! Бессмыслица, вернее смыслица, но кто ж её найдёт среди корней подорожника? В то время белое – это было белое, чёрное – это чёрное, как будто кто-то за сараем скрадывал оттенки, краски – на выбор. Теперь рябит в глазах, но путь продолжается, вот уже волочится по пыльной дороге моя 21 песня. Лирический дневник – всё моё творчество. А я только и научился, что примерять чужие одежды, да быть пересмешником сербского ли старца, своего ли товарища. Например, в подражание А. И-ву: «Поэты – они птицы в гробах». Не журите малограмотного акына, он тоже по-своему знает: есть книги, которые пишут ради одной (строчки?), и она единственная ещё впереди.

Белый Ворон выбрался из чёрного ящичка и высморкался в атласный платок со следами морской соли: «Простите. С вами совсем заболеешь».

– Прочтите, а ещё лучше, напишите что-нибудь.

– К примеру...

Колесо со спицами. Как в крестословице Сирина: клетки с буквами вместо птицы – тротуарная плитка, поросшая травой. (Именно этой плиткой Манекен будет отчаянно пытаться попасть Луне в глаз). Читаем по горизонтали: «Кошунство для египтян – колесо». Колесо со спицами и каждая спица оканчивается ладонью и ось обмазана маргарином, чтобы не скрипела. Вот и весь символ Прогресса.

Дитя Прогресса. Его сердце – белый карлик. Не человек, а озеро жёлтое (в конце рассказа, повести, романа, либо строки герой погибнет). Послышался скребущий шум – он замер – раздался скребущий шум – он побледнел. Открылась его душа, словно дверь распахнулась, и умер он, не выдержав этого. И то, что погибло, назвали гламур. Красивость? Похожа на замёрзшую лужу: нажми чуть на корку и она красивая лопнет, из-под неё выльется грязь.

В батарее уркнуло.

– Надо же, тёплая. Премьера! Открытие нового отопительного сезона. Ура.

– Ну вот, теперь вашим мурашам полегче будет.

– Удивительное окно, – продолжал я, – чего только из него не увидишь, смотрите, например – возрождение храма.

За годы слой краски образовал рубец, не дававший мне отодвинуть шпингалет. Мне приветливо жилистой рукой помахал прораб. Я, наконец, распахнул окно.

– Не слишком ли видно светлые швы? – спросил мастер, расписанный шрамами, похожими на морщины.

– Через столетие не видно, только оспины от пуль останутся.

– Верни зиме иней, в светлячков свет, мне ответ... – читал Белый Ворон.

– Ты извини, – он похлопал меня по плечу, – но мне пора, как не банально уходит.

– А кольчуга!

Он снял со своих плеч плащ и протянул мне.

– На, примерь. Так, – ещё раз посмотрел на меня и добавил. – До чего мы с тобой похожи...

А одному мальчишке бабочка попыталась сесть на нос, затем покружила-покружила вокруг него и улетела в небо.

Гулькевичи,
«Ладомир»

Газета Краснодарского регионального отделения
Союза писателей России
Кубанский Писатель
Зарегистрирована Кубанским управлением
Федеральной службы по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых коммуникаций
и охране культурного наследия.
Свидетельство о регистрации:
ПИ №ФС14-0358 от 24 апреля 2006 г.
Учредитель – КРО СП России.
Издатель: ИП «Кириллица»
ИНН 213208979906

Главный редактор: С. Н. Макарова
Ответственный секретарь: В. А. Динека

Редколлегия:

В. А. Архипов, Л. Д. Бирюк, Н. Т. Василинина, А. В. Горбунов, Н. Ф. Иванов (Москва), Н. А. Ивеншев, Б. И. Лукин (Москва), Л. К. Мирошникова, В. Д. Нестеренко, Н. В. Переяслов (Москва), А. Н. Пономарев.

Компьютерная верстка
и художественное оформление: А. Г. Прокопенко

Подписной индекс 54713
АДРЕС РЕДАКЦИИ:
350000

г. Краснодар, ул. Парусная, 20/3
тел.: 8-961-509-30-53, 244-09-11

E-mail: snmakarova@mail.ru

Электронная версия газеты на сайтах

www.sprosia.narod.ru

и Краснодарской краевой универсальной научной библиотеки им. А. С. Пушкина

www.pushkin.kubannet.ru

Отпечатано в типографии
ООО «Флер-1»

г. Краснодар,
ул. Уральская, 98/2

Заказ № 271
Подписано в печать
в 10.00, 21.01.11 г.
Тираж: 1000 экземпляров
Цена свободная